

Детвора не ошиблась в вас, маэстро!

Московская филармония представила заключительный концерт дневного абонемента для детей и юношества «Хочу стать дирижером». Автор и ведущий цикла - Владимир Понькин.

Были минимум две причины не пойти в этот день в Зал им. Чайковского. Во-первых, я не хочу стать дирижером. А во-вторых, детство и юношество, увы, остались далеко позади... Но была еще одна причина, которая перевесила: Владимир Понькин. Неизменное удовольствие, граничащее с восхищением, испытываю, бывая на его концертах. Дело даже не в высочайшем мастерстве, что, как говорится, само собой. Пленяет необыкновенная мягкость (это при том, что всякий настоящий дирижер непременно диктатор, как, допустим, капитан на судне). Даже движения - мягкие. И некое особое - очевидное, зримое, не наигранное - доброжелательство по отношению ко всем участникам концерта: оркестрантам, солистам, зрителям. Вот помню, как прошлым летом на фортепианном конкурсе им. Рихтера Владимиру Понькину пришлось в экстренном порядке заменить заболевшего дирижера - всего на одно, последнее выступление. И знаете, что бы я ни думал о судействе на том конкурсе, уверен: именно Понькин помог тогда Якову Кацнельсону стать вторым лауреатом.

Но как в условиях «интерактива» он управится с почти неуправляемыми детьми? Ведь тут надобен особый дар. Если его нет, никакое мастерское притворство не поможет. От кого-кого, а от детей не скроешь. Крошечная фальшь, малейшее сюсюканье - они станут равнодушны вплоть до замкнутости. А уж неосторожная, с точки зрения взрослых, пустячная бестактность - и, как в фильме «Сергея»: «Дядя Петя, ты дурак?» Однако, показавшись, Владимир Понькин обо всем таком даже и не задумывался. Нет нужды задумываться, когда действуешь в полной гармонии с внутренним состоянием. Между тем заключительный концерт - «Тайна чет-

вертая: пробуем руководить оркестром».

Ну вот хотя бы такой эпизод. Едва ли не все мальчишки и девчонки хотят непременно выйти на сцену и попробовать себя в качестве дирижера. В проходе, словно в аэропортовом накопителе, сгрудились десятки желающих. Вот-вот наперегонки, расталкивая друг дружку, полезут к дирижерскому пульта. Как их приостановить, что сказать? Призывать («Соблюдайте дисциплину и порядок!»), прикрикнуть («Ну-ка потише!»), просить («Пожалуйста, не все сразу»)? Ни то, ни другое, ни третье. Владимир Понькин, не повышая голоса, рассказывает, что после предыдущего концерта, когда детвора хлынула на сцену, ему сделали строгое замечание пожарные: мол, беспорядок, да и опасно. «Вы же не хотите, - говорит ведущий, - чтобы пожарные меня наказали, верно? Потерпите, даю слово, подирижирует оркестром каждый, кто хочет». И все - совладал с аудиторией!

Вообще эка невидаль - палочкой размахивать! Всего делов-то. Но вот Понькин велит оркестру: «Играть строго по руке!» - и, взяв руку мальчишки в свою, начинает дирижировать: «Светит месяц...» А вскоре убирает свою руку. Оркестранты, повинаясь мальчишке, сразу же сбиваются с темпа. Новоявленный дирижер и сам замечает, да исправить не может. И все в зале замечают - на ус наматывают. На плечо мальчишке мягко ложится ладонь Понькина. Я кожей чувствую, какой это иронично-успокаивающий жест, ничуть не обидный.

Взрослые по-разному общаются с детьми. Одни полагают, что нужно спуститься до уровня ребенка, но этого не любят даже крохи. Другие, напротив, считают, что нужно разговаривать с детьми, как с равными, как со взрослыми, однако детям такое почти все-

гда не по силам, и надолго их не хватает. Третий путь - золотая середина: взрослый и ребенок (или даже подросток) делают шаги навстречу. Вот когда возникает полный контакт. У Понькина, похоже, все по такому принципу. В том числе и лексикон. Казалось бы, он произносит немало специальных музыкальных терминов, вроде бы порой текст слишком сложный. Но почти неизменно тут же и объяснение - внятное, доступное. А кроме того, остальная речь столь понятна, что ясным становится и незнакомое. Пример встречного шага? Пожалуйста. Пятилетняя Саша в микрофон комментирует свою попытку дирижировать: «У меня еще не очень хорошо получилось. Но ведь надо учиться».

...Однажды знаменитый дирижер Максим Шостакович в интервью сказал, утрируя: «В нашем деле всего четыре составляющие: быстрее, медленнее, громче, тише». Лукавство, конечно. Бесчисленные нюансы, в том числе и не музыкальные, а сугубо человеческие, как раз и составляют пятую тайну. Понькин о ней напрямую с детьми не говорил, но определенно дал понять. Хорош был и такой эксперимент: волонтеры прошли внутрь оркестра и, встав возле музыкантов, оказались в роли ассистентов дирижера - превосходный, интересный наглядный урок. Отлично была подобрана и собственно музыкальная программа (она оказалась небольшой - по понятным причинам: много времени заняло общение с детьми, а чрезмерно затягивать концерт - утомить их). В частности, изумительно красивые пьесы из сюиты Г. Шендерова «Узоры луговые», написанной специально для оркестра.

После, пока потихоньку продвигалась очередь в гардероб, поспрашивал ребятню и мам, пап да бабушек. Дети в восторге, взрослые в восхищении. Мальчишку, который сидел в зале неподалеку от меня и, я видел, на сцену не рвался, спрашиваю: «А ты чего ж не шел дирижировать?» В ответ

услышал басовитое (как у некрасовского малюточки): «А я на тех двух концертах, раньше, уже дирижировал». «Ну и как, легко?» Видать, я неловко пошутил - пацан посмотрел на меня, как Сережа на дядю Петю.

Можно было бы посетовать, что в зал на Триумфальной пришло куда меньше детей, чем он мог бы вместить. Но, во-первых, я и сейчас не представляю себе, как бы управлялся с полным залом даже такой маэстро, как Понькин. А потом надо иметь в виду, что этот детский абонемент еще совсем новый, как принято нынче говорить, нераскрученный. Владимир Понькин задумал и осуществил его лишь в этом сезоне, вскоре после того, как стал худруком Национального академического оркестра народных инструментов России им. Осипова. (Заметим, кстати: как хорошо, что оркестр вновь обрел замечательного руководителя. Было бы ужасно жаль, если бы после безвременной смерти Николая Калинина прославленный коллектив снизил уровень, как это, к сожалению, нередко случается.) Думаю, осенью аудитория этого абонемента увеличится минимум на одного интерактивного зрителя - мою внучку.

Леонид ГВОЗДЕВ.